

КОГДА ЖЕ ПРИДЕТ «СУДНЫЙ ДЕНЬ»? (ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА С.А. НОСОВА)

В статье исследуются эсхатологические сочинения последнего на Печоре старообрядческого крестьянского писателя С.А. Носова (1902–1981). Цель написания видений – обращение к «старой» вере земляков и родственников автора. Эти произведения относятся к памятникам «народного» православия, язык их прост и предельно конкретен, используются как традиционные для эсхатологии образы и мотивы разнообразных казней грешников (адский огонь, вода), так и позаимствованные из быта и наделенные несвойственными им функциями обычные бытовые предметы (наручные часы, превратившиеся в змей), детали одежды (меховые воротники, которые также ожили и терзают своих обладателей), машины и мотоциклы (они срастаются с владельцами), и т.п.).

Старообрядчество, эсхатология, видения, крестьянская литература, книжность, рукописные сборники, археография, этнология.

The article examines eschatological writings of S.A. Nosov (1902–1981), the last old believer peasant writer on the Pechora. The purpose of the writing of the visions is to appeal to the "folksy" faith of the countrymen and relatives of the author. These works are monuments of folk Orthodoxy, their language is simple and very specific; the traditional eschatology of the images and motifs of various executions of sinners (hell fire, water), borrowed from everyday life and endowed with unusual features common household items (watches, turned into snakes) as well as clothing items (fur collars that also came to life and was plagued by their owners) cars and motorbikes (they grow together with the owners), etc. are used.

The old belief, eschatology, visions, peasant literature, literary, manuscript collections, Archaeography, Ethnology.

Введение

Видения как самостоятельный жанр с особой эсхатологической функцией – предупреждать о приближающемся пришествии антихриста и конце земного мира – оформились в начале XVII в., в период смуты. До этого времени они были частью житий, сказаний об иконах и летописных повествований [2]. Особенно явно именно эсхатологическая составляющая звучит в произведениях, созданных после церковной реформы патриарха Никона, разделившей православных христиан на сторонников официальной христианской церкви и на раскольников, т.е. тех, кто реформу не принял.

Большинство видений, по мнению А.В. Пигина, имеет своей основой особое состояние визионера, когда его душа якобы покидает реальный мир и перемещается в мир потусторонний [6, с. 163–186]. Состояние самого визионера в это время более всего напоминает болезнь или сон. Миссия визионера – донести до человечества послание свыше, явившееся ему в видении. Содержание этого послания может быть различным: обещание благ в случае праведной жизни и (чаще всего) описание наказаний в том случае, если человек нарушает законы, установленные для людей Богом. Опираясь на анализ нескольких десятков текстов XV–XX вв., А.В. Пигин предлагает разделить их на два типа: первый тип – видения, предметом которых является христианская мораль, их цель – рассказать о том, как должен жить человек, чтобы после смерти не попасть в ад на вечные муки, второй тип – тексты религиозно-полемического свойства, которые своей целью имеют опровержение идей религиозных оппонентов старообрядцев – никониан. Также к этой группе относятся видения выговских старообрядцев, направленные на полемику с представителями официальной церкви.

Основная часть

С.А. Носов (1902–1981) – последний на Печоре старообрядческий писатель. Оригинальных произведений, написанных им, немного: это небольшие по объему автобиографические записки (авторское название – «Вместо предисловия моего видения», воспоминания о деде, Л.В. Носове), 19 видений и 12 «пояснений» к ним, 113 писем к единоверцу и «духовному сыну» Е.И. Осташову и 30 писем к дочери, Р.С. Носовой [4, с. 113–152]. Цель всех без исключения сочинений С. А. Носова – вернуть близких ему людей к праведной жизни «в Боге» и спасти их души накануне неминуемого Суда.

Безусловно, по степени значимости именно видения в рукописном наследии С. А. Носова имеют наибольшую научную ценность. Их 19, они объединены в отдельную рукопись, почти каждое соответствует канонам жанра: в большинстве есть вступление, основная часть, действие которой происходит в потустороннем мире, и завершаются резюме автора – как следует понимать увиденное. Кроме того, есть и специальная тетрадь, которая названа «Пояснения к виденному» [4, с. 55–118]. Видения С.А. Носова ближе к первой (по классификации А.В. Пигина) группе, но полного совпадения с темами, идеями и образами в приведенных исследователем текстах в произведениях печорского старообрядческого писателя нет.

С. А. Носов не имел профессионального богословского образования и даже не учился в школе (читать старинные книги его дома обучила мать), но, тем не менее, показал себя весьма начитанным в религиозной литературе человеком, владевшим навыками символической интерпретации христианского текста. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в его видениях всегда много реминисценций из разных книг Библии. Отметим, что в некоторых случаях Носов незначительно перерабатывает тот или иной

традиционный мотив или образ, встраивая его в контекст своих видений. Первоисточник не всех, но значительного количества мотивов – Апокалипсис («На ледяном поле», «Видение о литературе», «На дне моря», «Видение смерти» и др.). В каждом из видений, в соответствии с этикетом жанра, есть герой-визионер, находящийся в «тонком сне», есть подробные описания странствий автобиографического героя по потустороннему миру и «казней», которым он (или его знакомые и родственники) там подвергались, комментарий, за какой грех и каким мукам будут подвергнуты грешники (со старообрядческой спецификой – табакокурение, модная одежда, чай, сахар, прослушивание музыки, использование современной бытовой техники и т.п.). Почти во всех видениях имеется и пояснение, как следует понимать тот или иной эпизод. Сюжет каждого видения цикла строится на мотиве путешествия автобиографического героя по двум мирам: по реальному – это г. Нарьян-Мар, собственный дом, река Печора и ее приток – Пижма, и мистическому – «небесное пространство», «студенец истления»¹, «дно моря» и т.п.

В одних видениях автобиографический герой только наблюдатель, не принимающий в событиях никакого участия, в других – главный объект «казней». Но большая часть видений все-таки объединяет оба типа повествования: герой и наблюдает за муками грешников, и сам принимает страдания за грехи. Герой находится в постоянном движении, он чудесным образом перемещается в самые разные места: оказывается под землей, в аду (видение «Суд и осуждение в студенец»), под водой (видение «На дне моря»), на берегу моря (видение «Тоскующие люди под елью»), на небе (видение «В небесном пространстве»), в Нарьян-Маре («О потопе родного края») и т.д.

Условно сюжетобразующие мотивы видений можно разделить на традиционные, построенные с использованием отдельных мотивов Библии, прежде всего – Апокалипсиса («Видение о литературе», «О потопе родного края»), и оригинальные («В мучительной трубе», «Видение в лампочке», «Тоскующие люди под елью» и др.). Ни один мотив большей части традиционных видений не воспроизводит точно исходный сюжетный мотив Библии, он всегда существенно дополнен оригинальными деталями, по преимуществу бытового плана: все они повествуют о прегрешениях и наказаниях за них человека второй половины XX в.

Основу сюжета традиционных видений составляют мотивы, уже известные в эсхатологии. Отметим, что С. А. Носов почти всегда дополняет позаимствованные мотивы своими импровизациями, подробно детализируя «увиденное» во время странствий своего героя. На библейском мотиве потопов построен сюжет видения, так и названного – «О потопе родного края». Место действия обозначено точно: герой в своем доме, на окраине Нарьян-Мара, на р. Качгорт, наблюдает, как вода медленно затапливает

его дома и людей. Но в данном случае взгляд героя охватывает сотни километров, от низовий Печоры (Нарьян-Мар) до ее среднего течения (р. Пижма): «Первое затопило берег речки Качгорт <...> вот достигаю высоты гор родины Пижмы реки и родной деревни Загивочной, поднимаюсь на высокие поля, <...> помня, как вдали блестела речка, извиваясь, и зеленели луга, с любовью смотрели детские глаза. Но теперь вижу: все покрыла вода» [4, с. 89]. Самый драматичный эпизод этого видения – гибель дочери Ольги на глазах отца, который ничем не может помочь ей. Герой видит, как тонет его дочь: «Обернувшись в сторону Качгорты, вижу: дочь Ольга стоит на берегу речки Качгорты и не знает, как попасть ко мне. Я ей крикнул: «Ольга! Плыви ко мне!» Она, не медля, решила плыть и доплыла уже до половины речки – тут ее захватила струя водоворота, черная, как смола, смешанная с водорослями, где она запуталась и стала тонуть» [4, с. 89]. Факт гибели во время потопа старшей дочери Ольги Носов комментирует в «Пояснении 12. О потопе по событию смерти дочери Ольги» [4, с. 117-118]. То, что умерла дочь не в 1955 г., а в 1972 г., не смущает автора: визионер уверен, что причиной преждевременной смерти стал именно выход на пенсию и ее получение: «...дочь Ольга начала получать пенсию и постигла ее боль паралича на 51 г. жизни, и скончалась, не достигнув своей цели – жить на пенсии» [4, с. 118]. Сам С.А. Носов, как и большая часть старообрядцев, от пенсии отказался, не желая получать не заработанные (по его мнению) деньги.

Упрощая для земляков, по преимуществу атеистов, понимание библейского мифа о потопе, С.А. Носов сознательно местом действия избирает Печору, ежегодные разливы которой были понятны и знакомы всем. Он «видит», как воды Печоры затопили уже всю землю, и с единственного холма, возвышающегося над водой, наблюдает за последними живыми людьми, спасающимися в ковчеге Ноя (?), и слышит неведомый голос, комментирующий происходящее: «Стою я на высоте уже последней, вижу: конец настал неотвратим. Молюсь умом о спасении и слышу, говорит мне: «Не ты один в беде! Смотри, в каком горе Ноев ковчег и как ждут спасения!» И вижу: в волнах, вздымающихся, как горы, носит ковчег из бревен. Волны бьют о борта его, люди, находящиеся в ковчеге, прилагают последние усилия, обнимают бревна руками, как бы удержать от наседающих волн...». Здесь в текст вводится толкование автором «увиденного»: предопределены не только его личная судьба, судьба дочери, но и всего человечества, и потоп явился следствием губительной атеистической политики государства, искоренившего христианскую веру: «По Писанию многожды видно: море именуется мир сей, ковчег Ноев – истинная церковь Христова, которая попущением Божиим как в морских волнах терпит всякие хуления» [4, с. 113].

Почти без изменений позаимствованы из Апокалипсиса в видении «Суд и осуждение в студенец» мотивы вечного огня, пепла, пылающего неба и т.п. атрибутов ада. Перед автобиографическим героем расступается земля, и неведомая сила ведет его к месту наказания: «Немедленно после сего предо

¹«Студенец истления» – ад. См.: Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. С. 680.

мною разступилась земля, подобно щели для прохождения, а невидимая сила движет по щели» [4, с. 81]. Увиденная героем картина гибели мира впечатляет и его и, естественно, читателя: «Вскоре от щели на стороне показался небосвод, охвачен огнем, языки пламени лижут небосвод, в шумящем пламени огня летят, как поднятые вихрем, человеческие тела и окружают небосвод, и падают в низ горячей бездны. Неумолчно раздаются стоны и вопли людей в том небосводе и как бы тонут в шуме огня...» [4, с. 81].

Не менее занимательно и неожиданно в плане интерпретации происходящего видение «В мучительной трубе». Здесь герой оказывается в огромной, но тесной и темной трубе, где находится множество людей, обреченных, как он считает, на вечное пребывание во мраке. Страдания этих грешников усугубляются тем, что они видят свет, проникающий в трубу через маленькие отверстия, и им известно, что снаружи тепло и светло. Наблюдающий за трубой и ее обитателями герой делает вывод о том, что здесь страдают грешники, наказанные за любовь к кинофильмам [4, с. 102].

Мотив избранности героя Богом доказывается серией эпизодов, в которых он лично видит страдания грешников за самые разнообразные «преступления»: любовь к светской литературе, кино, музыке, красивой одежде и т.п. За каждое из них грешникам предстоит жестокая расплата, и о каждой из этих казней Носов рассказывает в своих видениях. Обычные люди не могут отличить добро от зла, праведность от греха, и только он, избранный Богом, наделен даром видеть истинную суть вещей и донести ее до грешников.

Подтверждением этого служит серия эпизодов о видениях, в которых герой, наделенный даром прозорливости, видит то, что недоступно видеть больше никому. В одном из таких эпизодов («Видение смерти») герой видит двух женщин, соседок, которые сидят за столом и пьют чай. Визионер замечает, что кончик языка одной из них черного цвета, и понимает, что это знак греха табакокурения: «Двое женщин сели близ меня за стол попить чаю. Глядя на одну из них, я заметил кончик языка ее, черный, как уголь» [4, с. 67]. «Грехи» одной разновидности группируются автором: в следующем эпизоде этого же видения герой «видит» черное лицо другого соседа и, наделенный даром провидения, угадывает, что он тоже курящий: «отчетливо вижу: его лицо черно, прогнившие ноздри, и думаю себе: это от табака так случилось, не иначе» [4, с. 67].

Повествование в видениях динамично, одна картина стремительно сменяется другой, причем сюжеты, навеянные Апокалипсисом, чередуются с мотивами кинохроник и газет. Так, в «Видении на лесозаводе» прямо на стене герой видит: «...стене изображение глобуса <...> на Северном полюсе виден на древке флаг, на Южном полюсе – белое большое пятно. Немного спустя времени белое пятно уменьшилось, к середины полюса идут тракторы, сжимая белое пятно. Вскоре у верхушки полюса появился флаг» [4, с. 73–74]. Можно предположить, что данная «картина» видения навеяна черно-белыми начальными кадрами документальных кинохроник, с

которых в 50–80-х гг. XX в. в клубах начинались художественные фильмы, или газетных фотографий.

Главная причина обращения старообрядческого писателя к теме конца света и страшного суда — падение нравов современников, она становится главной не только в видениях, но и в письмах. Автор постоянно (особенно в письмах к дочери) приводит множество примеров деградации, морального и нравственного падения земляков: это желание модно и красиво одеваться, носить наручные часы, пользоваться электроприборами, ездить на машинах и мотоциклах, есть шоколад и т.п. За каждый из этих «грехов» ждет суровое наказание. Так, владельцы машин и механизмов срastутся с ними, любители сладкого будут поедать свои экскременты, тех, кто носил меховые воротники, будут терзать ожившие пушные звери, и т.п.

Наказание за грех чревоугодия становится главной темой видения «В затопленной комнате водой», где убедительно показано, как страдают нарушители запрета на употребление конфет, табака, картофеля и др. Для Носова употребление конфет является таким же грехом, как брадобритие и табакокурение. Голос, постоянно комментирующий увиденное героем-визионером и сопровождающий его в каждом видении, говорит герою, что леденцы есть нельзя потому что: «ядя их, в горле твоём образуется отпечаток твердости, а когда к тебе Смерть придет и посечет косою, одновременно вошьет смертную чашу горести и на твердом отпечатке коса остановится, посему и горесть чаши вошьется внутрь тебя и останется та горесть навечно» [4, с.101].

О наказаниях за использование разного рода машин и механизмов рассказывается в видении «Тоскующие люди под елью», в котором герой, идущий по берегу моря, замечает странных существ – людей, чьи тела срослись с машинами, мотоциклами и велосипедами: «Сидящие всадники на зверях рады бы избавиться от них, да только нет такой возможности: прикреплены они навсегда» [4, с. 104].

Кара за грех чтения светской (в том числе классической) литературы становится центральной в «Видении о литературе. Исходный мотив данного эпизода, мотив «книжной горечи», безусловно, позаимствован из Апокалипсиса [От. 10, 10], но существенно дополнен. Количество перечисленных в видении книг (они выставлены в витрине на пути героя) свидетельствует о том, что герой неплохо знал русскую литературу (напомним, что С.А. Носов не учился в школе), что прочитал «книги русских классиков, поэтов Пушкина, Лермонтова, Некрасова, и современных многих поэтов и писателей произведения: романы, многие стопы журналов и газет; и даже в витрине сказка об Илье Муромце та самая, зеленые корочки, впервые купленная мной за 5 копеек. Словом, все мое знакомое и прочитанное в жизни находится здесь» [4, с. 77]. Как выясняется из дальнейшего повествования, мудрость светских книг была заблуждением, за которое и сам герой, и все, кто их читал, будут сурово наказаны. В частности, введена новая и достаточно яркая деталь – кисть, черной мастикой закрашивающая все книги: «И как-то неожиданно, вдруг, появилась над литературой кисть,

пропитанная черной мастикой, опустилась, впервые провела черную линию по заголовку газет и охватила все разложенное на столах. И говорит с высоты, как радио: «Заглажение есть цена печати. А за любовь вашу к ней, как в жажду, пейте и ядите, и познаете сладость ея». И мгновенно началось собирание чернил, потекли струйки, и листы бумажные стали свертываться трубками, а книг не стало, чернила слились на полу в желобки. И говорит опять: «Всяк, кто что сеет, то и пожинает; что готовит, то и поедает. Буди же вам трапеза изрядна». Начал я не хотя грызть бумагу и не хотя пить чернила. О, сколь горькая бумага и сколь противный запах чернила – о сем может сопоставить каждый» [4, с. 77]. Оригинальность интерпретации апокалиптического мотива «книжной горечи» – в причудливом соединении бытовых предметов и деталей с мистикой, наделение их фантастическими свойствами, достаточно грамотное построение из этих образов впечатляющих картин и наделение их символическим смыслом.

Одно из самых сложных в плане источников видение цикла – «Суд и осуждение в студенец». В нем есть как позаимствованные из Апокалипсиса и трансформированные мотивы, так и оригинальные, нигде, кроме этого видения, не встречающиеся. Можно предположить, что трансформацией мотива апокалиптической саранчи [От. 9, 3] (с северным колоритом) становится «казнь», в которой на героя набрасываются тучи вполне земных кровососущих насекомых – оводов и комаров: «Пошел с радостью за высоту холма, опустился в зеленую долину – и тут на меня напали черной тучей несекомые: оводы, комары, мухи, как бы весь воздух гудит от гомона их, словно говорят по-своему: «Тебя-то мы и только ждали!». Мыслью, где бы укрыться или найти ветку отмахиваться, но нет, не видать нечего подобного» [3, с. 84]. Именно насекомые в этом видении становятся источником мук для грешников. Потенциальные читатели видений, обычные крестьяне, могли ничего не знать о саранче, но всем не понаслышке были знакомы северные кровососущие насекомые.

В видении «Суд и осуждение в студенец» есть иллюстрации и на тему любви к красивой одежде. Покинув шатер, герой, следуя указаниям голоса Бога, наконец, находит свою праздничную одежду (а до этого он был без нее). Герой идет в направлении, указанном голосом, и встретил людей, также красиво одетых. Эти люди оплакивают своих детей, превратившихся в зверей. О причинах трансформации герой пояснения нет, но из контекста читателю становится ясно, за какой грех здесь показана кара. Оказывается, родители покупали себе и своим детям дорогие меха на воротники, красивую одежду и часы, и за это вместе с ними наказаны их дети. Меховые воротники ожили и стали орудиями казней для своих владельцев, часы на руках у взрослых превратились в змей и жестоко кусают владельцев, а дети, как было сказано выше, превратились в подобие зверей: «...дети нечеловеческого облика, короче говоря, зверьки во сряде, потому что у многих медвежьи уши или на голове гребни петуха, собачьи носы, руки, что лапы лисы или обезьяны...» [4, с. 85]. Подоб-

ные эпизоды (их достаточно много, перечислять все не будем) служат иллюстрациями к важнейшей для старообрядцев теме губительности мирских соблазнов, к теме ложных ценностей. В мировоззрении старообрядцев важное значение придается умеренности во всем, в том числе и в одежде, они были сторонниками своеобразного бытового аскетизма. Визионер простодушно признается, что и он хотел бы нарядить своих детей и не сделал этого лишь потому, что не было денег.

Как сказано выше, виновниками страданий детей и превращения их в зверей были их родители, которые из тщеславия стимулировали развитие этого греха у своих детей, и в результате из лучших побуждений, невольно, но обрекли их на мучения.

При развитии темы искупления грехов автор пользуется не только заимствованными из Апокалипсиса образами, но и оригинальными деталями, близкими к литературным. Так, знаком завершения страданий героя в «студенце истления» становятся «струйки воды», протекающие в ад, размещенный под землей, где в вечной мерзлоте отбывает наказание герой. Эта деталь, безусловно, введена по аналогии с реальными весенними ручьями [4, с. 82, 83].

Выводы

Анализ видений С.А. Носова показал, что далеко не все сюжетообразующие мотивы навеяны древними эсхатологическими текстами: большая часть мотивов вполне оригинальна и интерпретируется автором в соответствии с их христианским смыслом.

Важное значения в образной системе видений имеют бытовые предметы из повседневной жизни обычного человека (кровать, самовар, часы, патефон и т.п.) или даже детали механизмов, инструменты (колесо «лесокатки», гвозди, крючья, на которых в магазине вывешивают мясо). Именно эти бытовые предметы помогают создать иллюзию достоверности в фантастических повествованиях, например, о его странствиях в небесном пространстве, в аду и т.п.

Художественный мир видений и образ героя-визионера отличаются самобытностью, оригинальностью и богатой творческой фантазией: нам не удалось найти аналогичных сочинений, которые были бы созданы старообрядцами в XIX–XX вв. Несмотря на значительное количество рукописных текстов эсхатологического содержания на Печоре, среди них не было импровизаций, написанных по мотивам Апокалипсиса. Отметим, что С.А. Носов ориентировался не столько на конкретные мотивы и образы Апокалипсиса, сколько на саму идею этого произведения, и потому большую часть сюжетов его видений можно считать оригинальными.

Видения С. А. Носова – редкий пример своеобразной «крестьянской», народной эсхатологии с очевидной прагматической установкой автора – спасти души желающих этого спасения, убедить их авторитетом не только Апокалипсиса и сочинений толкователей апокалиптики, но и собственным жизненным опытом и своими видениями.

Литература

1. Гурьянова Н.С. Эсхатологическое учение старообрядцев как социальный миф. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/21070>
2. Лихачев Д.С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы. URL: <http://www.philology.ru/literature2/likhachov-86.htm> (12.01.2013).
3. Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов: видения, письма, записки. М., 2005.
4. Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.
5. Пигин А.В. Повесть душеполезна старца Никодима Соловецкого монастыря о некоем иноке. СПб., 2003.
6. Прокофьев Н.И. «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века: (Из истории жанров литературы русского средневековья): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1949.
7. Соболева А.Б. Жанр видений в древнерусской литературе (на материале Азбучного патерика). URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429104398.pdf.

References

1. Gur'ianova N.S. *Eskhatologicheskoe uchenie starobriadtsev kak sotsial'nyi mif* [Eschatological studies of old be-

lievers as social myth]. Available at: <http://www.anti-raskol.ru/pages/21070>

2. Likhachev D.S. *Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoi literatury* [Origin and Development of old Russian genre literature]. Available at: <http://www.philology.ru/literature2/likhachov-86.htm> (12.01.2013).

3. *Pechorskii staroobriadcheskii pisatel' S.A. Nosov: videniia, pis'ma, zapiski* [Pechora old believer writer SA Nosov: Vision, writing notes]. Moscow, 2005.

4. Pigin A.V. *Videniia potustoronnego mira v russkoi rukopisnoi knizhnosti* [Vision of afterworld in Russian manuscript literacy]. St-Peterburg, 2006.

5. Pigin A.V. *Povest' dushepolezna startsa Nikodima Solovetskogo monastyria o nekoem inoke* [Edificatory tale of monk Nicodemus from Solovki monastery about Some Enoch]. St-Peterburg, 2003.

6. Prokof'ev N.I. «Videniia» krest'ianskoi voiny i pol'sko-shvedskoi intervetsii nachala XVII veka: (Iz istorii zhanrov literatury russkogo srednevekov'ia): avtoref. dis. kand. filol. nauk ["Vision" of peasant War and Polish-Swedish intervention of the beginning of XVII century: (From the history of Russian literature genre of Middle Ages). Doct.dis.]. Moscow, 1949.

7. Soboleva A.B. *Zhanr videnii v drevnerusskoi literature (na materiale Azbuchnogo paterika)* [Vision Genre in old Russian literature (in alphabetical paterikon material)]. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1429104398.pdf.

УДК 811.111'34

Е.Н. Митрофанова

Курский государственный университет

ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ КАК ПРОСОДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье рассматривается реализация в звучащей речи английских модальных глаголов *may/might, must, should, can/could*. На основе слухового и интонационного анализа выявлена тенденция маркирования фразовым ударением и другими просодическими средствами оценочных значений модальных глаголов и, с другой стороны, затухивания (безударности) их корневых значений. Распределение фразового ударения объясняется семантическим весом значений и ритмическим фактором. Модальные глаголы отнесены к категории многозначных слов, дифференцирующих свои значения с помощью просодических признаков.

Фразовое ударение, просодия, модальные глаголы, объективная и субъективная модальность, ядерный тон, ритм.

The article considers the realization of the English modal verbs *may/might, must, should, can/could* in recorded authentic speech. The application of auditory and intonation analysis revealed the tendency to accent the epistemic meanings of the modal verbs and to deaccent (relegate) their root meanings. The distribution of sentence stress is accounted for by the semantic weight of meanings and the rhythmic factor. Modal verbs are shown as belonging to the category of polysemantic words which differentiate their meanings with the help of prosodic characteristics.

Sentence stress, prosody, modal verbs, objective and subjective modality, nuclear tone, rhythm.

Введение

Просодические характеристики рассматриваются в лексикологической фонетике как один из способов дифференциации и оперативной идентификации значений многозначных слов и омонимов [6], [7], [8]. По замечанию Б.М. Гаспарова, звуковая тождественность омонимов — это иллюзия, возникающая только в словарной статье, тогда как в речевой реальности каждый омоним погружен в свою собственную интонацию, тембр, динамическую сферу звучания [3]. На материале английского языка Л.В. Минаева

продемонстрировала, что, например, слово 'pray' реализует свои разные значения благодаря создаваемым вокруг него различным просодическим образам, наиболее слабый из которых (безударный) соответствует устаревшему значению «пожалуйста», нейтральная ударная позиция передает значение «молиться», а акцентированный «положительный» просодический образ соответствует значению «умолять» [6, с. 56–57]. В исследовании Е.Н. Митрофановой была показана акцентогенность (маркированность фразовым ударением и ядерным тоном) англ-